Второй выписке предпослана небольшая заметка, принадлежащая самому Толстому: «Аввакум — однорядку».[4] Этого нет у Соловьева. Очевидно, эти слова не что иное, как первая зарисовка к портрету: в будущем романе из Петровских времен в качестве одного из персонажей должен будет выступить и Аввакум, и писатель видит его одетым (соответственно свидетельству «Жития») в старинную мужскую одежду, в однобортный долгополый кафтан-однорядку. Далее у Толстого следует еще одно замечание — предварительное, обобщенно-конспективное замечание писателя о характере своего героя: «Злой, энергичный»,[5] что иллюстрируется кратким пересказом того, о чем говорится у Соловьева: «Дочь [один начальный человек] отнял у матери. Аввакум вступился». И тут же еще один факт из жизни протопопа, еще одна иллюстрация к приведенным определяющим чертам характера — причем слово предоставляется, как это делается и у Соловьева, самому Аввакуму: «Пришли в село мое плясовые медведи и с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отняв,— одного убил и паки ожил, а другого пустил в поле».[6] Толстой цитирует не точно. У Аввакума, и соответственно тому у Соловьева, читаем не «убил», а «ушиб», не «пришли», а «придоша» и т. д. К точному цитированию Толстой и не стремится. Видно, что выписки важны ему не как строго документальный материал, а как художественные заготовки, которые еще предстоит обрабатывать сообразно конкретному писательскому замыслу.

Третья выписка — о ссылке Аввакума в Даурию и истязаниях, которым его подвергает Афанасий Пашков. Толстой цитирует из «Жития» вслед за Соловьевым: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать...» и обрывает цитату на словах: «Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит — голову заломя на горы смотреть». И тут же добавляет от себя как вывод характеристику стиля Аввакума: «Быстрая речь, на волоске шутка мрачная».[7]

Четвертая выписка — новые факты из жизни Аввакума с неточной цитацией. «Десять лет, — говорит Аввакум, — Пашков меня мучил или я его, не знаю. Бог разберет. Наконец пришла грамота — велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города».[8] У Соловьева это место предпослано рассказу о том, как упавшему было духом протопопу помогла бодрым словом протопопица. Толстого протопопица не интересует. Он ограничивается только приведенными фактами, касающимися самого Аввакума, и следом делает приписку — приписку писателя, художника, которого всегда особенно интересует характерная деталь в человеке. Он пишет: «Себя называет: протопоп».[9] Это, разумеется, прямо для романа, это писательская заметка к будущему произведению.

В том же месте есть еще одна приписка Толстого: «Себя отстегивал». И рядом приводятся слова Аввакума из «Жития», сказанные им вселенским патриархам: «Мы уроди во Христе (у Аввакума: «Христа ради», — *Е. М.*), вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны».[10]

Дошедшие до нас материалы, связанные с толстовским замыслом исторического романа из эпохи Петра, в той части, которая относится непо-

[4] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[5] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[6] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[7] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[8] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[9] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.
[10] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.